

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 213, 215, 218

**Архаические религиозно значимые предикаты
в современной восточнославянской народно-
православной культуре: интерпретация символов
в структуре религиозности****Протоиерей Олег Корытко*Московская духовная академия,
Российская Федерация, 141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра

Для цитирования: *Корытко О. В.* Архаические религиозно значимые предикаты в современной восточнославянской народно-православной культуре: интерпретация символов в структуре религиозности // Вопросы теологии. 2024. Т. 6, № 3. С. 414–429. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.303>

Публикация продолжает серию, открытую статьей «Архетипическое в религиозном и христианское богословие: опыт примирения позиций», опубликованной в журнале «Вопросы теологии» № 2 за 2024 г. Как важнейшая характеристика духовной культуры, религиозность может быть описана в виде значимых для данной культуры священнодействий — религиозных предикатов. По мнению автора статьи, составление «предикатного рисунка» восточнославянской религиозности — интересная и перспективная научная задача, решение которой поможет определить ключевые особенности русской культуры в ее церковном и народно-православном изводах. Обращается внимание на то, что русская культура, сформировавшаяся под несомненным влиянием православной веры и церковной традиции, испытала немалое воздействие дохристианских идей. В статье представлена попытка рассмотреть феномен русской религиозности сквозь призму значимых для восточных

---

* Вторая публикация из серии «Природа архетипов и их функционирование в религиозной среде». См. первую статью: *Корытко О. В.* Архетипическое в религиозном и христианское богословие: опыт примирения позиций // Вопросы теологии. 2024. Т. 6, № 2. С. 199–212. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.202>

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024
© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2024

славян религиозных предикатов, которые не только отражают специфику народно-бытовой религиозной практики, но и определяют своеобразие русской церковной культуры. Выделяя религиозные предикаты на основании сообщенной им смысловой нагрузки и выполняемых функций, автор анализирует наиболее яркие из них: обхождение и другие варианты кругового движения; начертание сакрального символа; связывание и его негативный вариант — разрывание; прикосновение; поминовение. Анализ сопровождается примерами из современных народных обрядовых обычаев и церковной традиции. Приводятся свидетельства архетипичности многих практик. Обозначаются основные проблемы, связанные с выделением предикатов языка духовной культуры, предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: религиозность, народное православие, предикаты культуры, круговое движение, начертание креста, сакральное связывание, ритуальное разрывание, прикосновение к святыне, память предков.

Введение

Религиозность — трудноопределимое понятие, в зависимости от применяемого метода его содержание наполняется разными характеристиками. Не вдаваясь в тонкости социологического и психологического подходов, в самом общем смысле религиозность можно определить как комплекс представлений человека о духовном мире и правильных с ним взаимоотношениях, т. е. о том, что, по словам Плутарха, переводит мысль на другое¹. Это таинственное «другое» (ἄλλα) (в альтернативном варианте перевода — «инобытие»²) античный историк применяет для объяснения природы мифа, который, будучи важнейшим компонентом религиозности, вместе с тем форматирует ее, определяя способы ее проявления и задавая парадигму религиозного поведения.

Очевидно, что религиозность реализует себя в совершении ряда действий, имеющих священный характер и конкретную цель. Религиозные предикаты как набор священнодействий образуют сложную систему, каждый элемент которой несет смысловую нагрузку и выполняет заданную функцию (например, установление контакта с духовным миром, просьба о помощи, принесение обета, ограждение и защита от зла и нежелательного воздействия, избавление от уже свершившейся неприятной ситуации и др., о чем будет сказано подробнее далее).

Подобно тому как категория предикативности традиционно считается одной из центральных в языке, предикаты «являются логическим и структурным ядром ритуала»³, образуют ядро языка национальной духовной культуры, вокруг которого, заполняя смысловые валентности, группи-

¹ Плутарх. Исида и Осирис. Киев: УЦИММ-Пресс, 1996. С. 20.

² См., напр.: Суриков И. Е. Парадоксы «отца истории»: Геродот — исследователь архаической и классической Греции // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Исторические науки. 2010. № 10 (53). С. 74.

³ Толстая С. М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. С. 89.

руются актанты и сирконстанты действий. Именно поэтому составление предикатного «рисунка» восточнославянской религиозности — интересная и весьма перспективная исследовательская задача.

Духовная культура восточнославянских народов формировалась благодаря православной вере и церковной традиции, но испытывала большое влияние со стороны дохристианских идей, часть которых можно считать специфически славянскими, а часть — отражающими архетипические, т. е. универсальные общечеловеческие представления о взаимоотношениях с миром священного.

Уточним: слово «архаический», использованное в названии статьи, как может показаться на первый взгляд, вводит нас в проблематику непосредственной преемственности, что требует доказать наличие тех или иных постулируемых представлений в древнейшую дохристианскую эпоху бытия славян. Однако сделать это не всегда возможно не только в силу крайней скудости материалов и источников по славянским верованиям того периода, но и в силу неформленности, аморфности таких представлений. Примечательны суждения ряда исследователей (в частности, современного этнографа О. А. Седаковой)⁴, которые полагают, что, вступив в контакт с христианской культурой и церковной обрядовой традицией, эти представления стали парадоксальным образом приобретать более ясные очертания и структурирующее начало. Очевидно, что такое развитие происходило из некоего зерна архетипических идей, проросшего на уникальной национальной почве. Эти семена обильно взошли и в народном творчестве (фольклорные данные), и в ряде обрядовых практик прошлого и настоящего (этнографические данные).

Итак, принимая во внимание данные существенные обстоятельства и соображения, можно выделить религиозные предикаты, значимые для русской духовной культуры в ее народно-православном изводе как они представлены в современных фиксируемых практиках и обычаях.

Основное исследование. Некоторые значимые религиозные предикаты, их сакральная функция и сфера реализации

Важнейшая цель большинства совершаемых священнодействий — установление отношений между человеком и миром сакрального. Мир сакрального может быть представлен в виде определенного зримого и осязаемого священного предмета (мощей, икон и других реликвий) и почитаемого сакрального места (святой источник, «канавка» Божией Матери, пещера подвижника и др.); в этом случае они являются постоянными «носителями» святости. Может быть и так, что, по народным представлениям, те или иные предметы приобретают сакральность лишь в определенных условиях и при определенных обстоятельствах (например, особая сила

⁴ Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.

огня от свечей в Великий четверг способна отгонять нечистую силу и запечатлевается в виде выжженных крестов на верхних косяках дверей; вся вода в ночь на Богоявление приобретает чудесные свойства).

Наиболее ярко отношения, устанавливаемые между человеком и духовным миром, выражаются, в форме заветования, т. е. обета: человек предпринимает некие действия (завет), направленные на вхождение в контакт с высшей силой: совершаются поездка на богомолье и поклонение святыне, чтобы просьба была исполнена. Традиционными причинами для завета могут быть как болезни самого человека, его близких или скота, так и более общие просьбы о благополучии, помощи в домашних и семейных делах и др. Проблеме заветования посвящены работы известного петербургского исследователя-этнографа В. В. Виноградова, занимавшегося, в частности, изучением топики святынь в современной народной духовной культуре⁵. Анализируя структуру заветования, Виноградов выделил ряд ключевых действий, среди которых особо отметил хождение (богомолье), приношение вещей к святыне, купание (омовение) и прикосновение к святыне.

Самые значимые религиозные предикаты общечеловеческого характера, имеющие архетипический характер и существующие в том числе у славян, — это действия обращения к святыне: простираание рук и физическое поклонение сакральному в разных формах и степенях (от склонения головы до земного поклона). Универсальность этих предикатов вполне очевидна и поэтому не будет рассматриваться в рамках данной статьи.

Продолжая традицию выделения функций, восходящую к В. Я. Проппу, можно раскрыть и несколько дополнить предложенный Виноградовым перечень религиозных предикатов, показав, что они не только «работают» на уровне не слишком щепетильной в духовном отношении бытовой народной религиозности, но и более или менее успешно усваиваются консервативной церковной культурой, формируя характерные особенности так называемого православия русской традиции.

1. Обхождение (опоясывание): совершение движения вокруг объекта

Одним из важнейших предикатов восточнославянской духовной культуры является совершение обхождений и опоясывающих движений. Само по себе данное действие носит архетипический характер. Примеры подобного рода весьма широко распространены в истории.

Можно вспомнить, в частности, трагический эпизод из мифа об основании Рима с проведением борозды на месте будущих стен города и о последующем конфликте двух братьев, закончившемся смертью одного из них⁶.

⁵ Виноградов В. В. Северорусские почитаемые места: топики святынь: избр. ст., дис. СПб.: Пропповский центр, 2019.

⁶ Феноменологический разбор различных примеров «конструирования» сакрального пространства см.: Элиаде М. Трактат по истории религий: в 2 т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1999. С. 251–281.

Показателен и библейский сюжет с описанием чудесного падения Иерихона (Нав 6: 1–27). Взятию этого важного ханаанского города еврейми под предводительством Иисуса Навина предшествовало, как известно, повеление от Бога, возвещенное «вождем воинства Господня» (Нав 5: 14), многократно обойти Иерихон с ковчегом Завета.

Византийская культурная традиция также хорошо знакома с этим предикатом. Так, отмечаемый 14 (1) августа праздник Изнесения Честных Древ является литургической фиксацией почитания в Константинополе Креста Господня, которое включало в себя также элементы обхождения с частицей Древа ряда районов города для отвращения болезней и напастей⁷.

Однако даже с учетом широкого распространения в различных культурах религиозно значимого действия кругового движения его популярность у русского народа все же не может не впечатлять. Всевозможные круговые крестные ходы, а также обхождения, объезды⁸, «опахивания», «оплывания» и даже облеты⁹ объектов со святынями свидетельствуют о том, что данная идея занимает важнейшее место в восточнославянской картине мира. Восходящая к архаическим представлениям о сакральности круга, мистически соединяющем в себе начало и конец, эта практика имеет универсальное значение и распространена не только у славянских народов. Однако сугубая религиозная важность символического замыка-

⁷ См. подробное изложение сведений об истории и изначальном составе этого праздника: *Крюкова А. Н.* Происхождение Честного и Животворящего Креста Господня // *Православная энциклопедия*. Т. 58. М.: Православная энциклопедия, 2020. С. 284.

⁸ См., напр.: Святейший Патриарх Кирилл совершил объезд Москвы с иконой Божией Матери «Умиление» и возглавил утреню с чтением Акафиста Пресвятой Богородице. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5616769.html?ysclid=lq4ydfcux412715537> (дата обращения: 04.09.2024).

⁹ См., напр., интернет-публикации об облетах во время пандемии коронавирусной инфекции (Петербург облетел митрополит с чудотворной иконой Казанской Божией Матери. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/peterburg-obletel-mitropolit-s-chudotvornoy-ikonoy-kazanskoj-bozhiey-materi> (дата обращения: 04.09.2024); Омский митрополит Владимир облетел город с молитвой об избавлении от коронавируса. URL: <https://omskgazeta.ru/rubrika/zdorove/koronavirus/omskij-mitropolit-vladimir-s-desjatju-svjashhennikami-obletel-gorod-s-molitvoj-ob-izbavlenii-ot-koronavirusa-foto/?ysclid=lq4yhy96io418450461> (дата обращения: 04.09.2024); В Омской области против коронавируса провели воздушный крестный ход. URL: <https://omskgazeta.ru/rubrika/zdorove/koronavirus/v-omskoj-oblasti-protiv-koronavirusa-proveli-vozdushnyj-krestnyj-hod-foto> (дата обращения: 04.09.2024)) и в честь Дня Победы Митрополит Феодор облетел Волгоград с иконой святого Александра Невского. URL: https://vlg.aif.ru/society/religion/mitropolit_feodor_obletel_volgograd_s_ikonoy_svyatogo_aleksandra_nevskogo?ysclid=lq4yqx06qx495849834 (дата обращения: 04.09.2024)).

Нельзя не сказать об уникальном «космическом крестном ходе» со списком чудотворной иконы Божией Матери «Валаамская». В течение 33 дней, с 8 сентября по 11 октября 2005 г., икона пребывала на борту станции «Союз ТМА-6» и вместе с космонавтами многократно облетела Землю. В настоящее время этот образ, побывавший в космосе, выставлен для поклонения в нижнем храме Спасо-Преображенского собора Валаамского монастыря.

ния движения у славян становится очевидной, если принять во внимание этимологическое родство лексем «начало» и «конец»¹⁰.

С какой же целью совершаются эти обряды «хождения» и какова их религиозная функция? Во-первых, сам по себе предикат «хождения» выражает идею богопочитания и поклонения святыне. Совершение паломничества, преодоление пути — очевидная жертва физической силой, которую может принести человек. Во-вторых, особое значение (по указанным выше причинам) имеет совершение движения именно по кругу. Как правило, оно совершается в экстраординарных и неблагоприятных обстоятельствах (стихийного бедствия — засухи, подтопления, пожаров; мора, войны, нападения врагов). Основная цель этих действий — прекратить, отогнать беду и воспрепятствовать злым силам нарушать порядок и мешать человеческому благополучию.

Впрочем, С. М. Толстая считает, что в этом случае сам процесс обхождения не участвует в формировании семантики обряда, а является скорее ««собираением» («связыванием») пространства и социума»¹¹; его цель состоит в том, чтобы ритуально подтвердить границы освоенного пространства, на которые должна распространяться испрашиваемая у высших сил защита. Однако у обхождения объекта может быть и функция сообщения благополучия. Так, в некоторых селах существует обычай обхождения беременной женщиной садовых насаждений, что, по народным представлениям, способно придать деревьям бóльшую плодородность¹².

2. Начертание

Функцию ограждения/защиты выполняет еще одно религиозно значимое действие — нанесение некоего священного знака на предмет, человека или же пространство.

Вспомним библейский рассказ, содержащийся в книге «Исход», о нанесении евреями крови пасхального агнца на дверные косяки и перекладины в качестве условного знака, чтобы Господь миновал этот дом и не поразил первенцев во время последней из «казней египетских» (Исх 12: 1–23).

В народно-православной среде часто встречается обычай рисования крестов в проемах окон и дверей в Великий четверг. Кресты наносятся методом копчения свечами, принесенными в этот вечер из храма после службы с чтением двенадцати «Страстных Евангелий», повествующих о крестных страданиях Христа. Кроме того, чин освящения жилища и хра-

¹⁰ Слова «начало» и «конец» исторически восходят к одному и.-е. корню *ken- / *kop- со значением 'рождаться, прорасти, начинаться' (Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 4 / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. С. 109).

¹¹ Толстая С. М. Акциональный код символического языка культуры. С. 98–99.

¹² Толстая С. М. Беременность, беременная женщина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 160–164.

Рис. Информационный постер Синодального миссионерского отдела, сообщающий о планируемом крестном ходе, с крестообразным изображением маршрута (источник: <https://sinmis.ru/krest/> (дата обращения: 04.09.2024))

ма предполагает нанесение маслом (в случае освящения храма — святым миром) креста по четырем сторонам света в знак присутствия в этом месте особой благодати Божией.

Начертание креста как сакрального символа, имеющего оградительное значение, может принимать и формы своеобразного крестного хода, как, например, произошло в 2023 г. в случае с крестным ходом в память 600-летия явления креста Господня близ Годеново. Посещение регионов с точной копией этой святыни было спланировано таким образом, чтобы совершить крестное знамение над Россией и Беларусью (см. рис.).

3. Связывание — разрывание

Хождение осмысливается в духовной культуре народа как неотъемлемый символ жизни, так как движение — яркая примета земного бытия в противовес миру иному, который по определению статичен и неподвижен.

В похоронных обрядах эта тема выражена особенно отчетливо, в частности в практике связывания конечностей усопшего. Неслучайно бытующие в народе поверья о «ходячих покойниках», воспринимаемых как ненормальное явление, до сих пор пугают людей, которые стремятся обезопасить себя от встреч с почившими. Даже самое благожелательное по

отношению к живым явление покойников считается опасным и подлежащим устранению. Одним из эффективных средств предупреждения «хождения» считалось правильное совершение похоронного обряда через связывание ног в гробу; ноги надлежало развязать перед самим погребением, чтобы усопший мог беспрепятственно уйти в мир мертвых. Показательна рекомендация, записанная этнографами в белорусском селе Олтуш Брестской области: «Руки въежут и ноги въежут [покойнику]. Як забудуть розвязаць, то будэ ходыты»¹³.

Сюжеты с ходячими покойниками, их интерпретация, подробный разбор структуры и символики освещены в работах современных этнографов¹⁴.

В *свадебных обрядах* предикат связывания также несет важную смысловую нагрузку. Так, во время венчания священник берет епитрахилью руки жениха и невесты, как бы связывая их при совершении таинства, и обводит их вокруг аналоя с пением тропарей. Существует народная традиция, предписывающая жениху и невесте после венчания (или даже после «рописи» в тех случаях, когда венчание не совершается) физически находиться рядом друг с другом, по возможности даже держась за руку, чтобы между ними не прошел никто третий. Очевидна выражаемая этими обычаями идея обеспечить паре крепкий нерушимый брак.

В связи со свадьбой упомянем еще об одной практике, имеющей явно архаическое содержание и также выражающей идею соединения, связывания. Под ноги молодых во время свадебной церемонии полагается рушник, на котором они стоят во время таинства венчания. Полотенце — древний символ дороги в архаических культурах — символизирует совместную жизнь молодой пары, связывает их пути в одну семейную жизнь. В некоторых случаях руки молодых связывают полотенцем в знак их соединения. Реализацией данного предиката можно считать и распространенный свадебный обычай завязывания ленточек или прикрепления символических закрытых замков на одном из достопримечательных мест. Интересно, что у славян самым популярным вариантом является навешивание замка на перила моста¹⁵, который традиционно имеет статус пограничного локуса и считается символом перехода в новую жизнь и изменения социального положения.

Предикат связывания встречаем и в других бытовых сферах. Так, в Закарпатье в Рождественский сочельник существует практика обвязывания

¹³ Толстая С. М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2015. С. 384.

¹⁴ См., напр.: *Виноградова Л. Н.* Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М.: Индрик, 2001. С. 10–49; *Толстая С. М.*: 1) Полесские поверья о ходячих покойниках. С. 379–420; 2) Мотив посмертного хождения в верованиях и ритуале // Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. С. 421–444; *Левкиевская Е. Е.* «Ходячий покойник» // Народная демонология Полесья: в 4 т. Т. 2: Демонологизация умерших людей. М.: ЯСК, 2012. С. 273–400.

¹⁵ *Виноградова Л. Н.* Мост // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 303–307.

железной цепью ножек стола¹⁶. Семантика обычая зависит от самого обрядосовершителя: если цель — иметь в новом году крепкое («железное») здоровье, то на первый план выступает символика предмета; если же, например, цель ритуала — защитить скот от волков или плодовые деревья от сильных ветров, то актуализируется символика действия, призванного замкнуть пасть хищникам, связать силы природной стихии, мистически сковав потенциальных вредителей крепкой железной цепью.

Негативной реализацией предиката связывания является, соответственно, разрывание, которое обычно сопровождает действия, направленные на освобождение, разрешение от некоего тяжелого бремени (опасности, болезни, порчи, ответственности др.). В народной духовной культуре этот предикат выступает составной частью более сложного комплекса действий, основной функцией которых является ритуальное уничтожение предмета — предполагаемого источника или носителя зла¹⁷. Так, в курских селах зафиксирован обычай, при котором женщина, чтобы остановить смерть своих новорожденных детей, снимала с себя нательную сорочку и рубила ее топором, а на Вятке нитку, которую использовали для изменения недужного человека, разрывали на несколько частей и сжигали под порогом дома¹⁸.

В мифологическом сознании славян тема чудесного преодоления препятствий нашла отражение и в представлениях о чудесной разрыв-траве¹⁹, используемой в народной магии, отмыкающей замки и «отворяющей» многие способности у человека.

Действия разрывания/разламывания/расчленения, направленные на ликвидацию опасности, нередко сопровождались последующим разбрасыванием частей или их сжиганием, чтобы помешать вновь восстановиться целому. Так, Л. Н. Виноградова справедливо отмечает: «Мотив “уничтожения носителя зла” — один из наиболее популярных в лечебных заговорах и вербальных оберегах, содержащих формулы угроз и проклятий, адресованных вредоносным персонажам, духам болезней или животным-вредителям, а также в обрядах защиты от нечистой силы, где используются различные способы символического уничтожения»²⁰.

Примечательно, что в современной приходской практике существует обычай, когда священник, принимая исповедь, надрывает или полностью разрывает написанный кающимся список совершенных грехов. Это коррелирует не только с народным ощущением религиозной значимости совершаемого действия разрывания, но и с церковной традицией, выра-

¹⁶ Богатырев П. Г. Магические действия, обряды и верования Закарпатья // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 174–175.

¹⁷ См. подробнее: Виноградова Л. Н. Уничтожение // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 5. М.: Международные отношения, 2014. С. 371–373.

¹⁸ Там же. С. 372.

¹⁹ См. подробнее: Белова О. В. Разрыв-трава // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 396–397.

²⁰ Виноградова Л. Н. Уничтожение. С. 373.

жаемой в том числе в Священном Писании и богослужебных текстах, где зафиксированы многочисленные образы «разрыва», имеющие отношение к избавлению от власти греха. В частности, этот семиотический акт, осмысленный как реплика действий Христа (по слову апостола Павла, Он «оживил [нас] вместе с Ним, простив нам все грехи, истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас» (Кол 2: 13–14), или, как сказано в молитве 6-го часа, «честным Его Крестом рукописание грех наших растерзал»), может символизировать разрыв своеобразной долговой расписки, которую, как комментирует сей образ преподобный Максим Грек, «мы дали от себя лукавым похотям плоти нашей»²¹. «Рукописание грех наших властью Своею растерзающей» нередко называется в церковных песнопениях и Пресвятая Богородица.

4. Прикосновение

Одной из важных составляющих почитания святыни является тактильный контакт с ней. Прикосновение к реликвии особо значимо для славянской духовной культуры, что отличает ее, например, от культуры западноевропейской. Физический контакт, представленный у славян, как правило, в двойном виде — в виде лобызания и последующего прикладывания к святыне головой, — дает человеку возможность установить со святыней прочную духовную связь, приобщиться содержащейся в ней благодати.

Подобное стремление к тактильному контакту можно объяснить особым пониманием и отношением к святости, восходящим еще к дохристианской эпохе бытия восточных славян. Многие исследователи феномена святости в славянской духовной культуре отмечают²², что архаическим представлениям славян о сакральном были свойственны некоторая натуралистичность и конкретность, а в смысловой основе святости заложены идеи животворящей и плодоносной силы, разлитой по Вселенной. Эта пансакральность способна проявляться как в людях, так и в различных предметах, природных объектах и стихиях. Несмотря на то что христианство во многом облагородило, возвысило представление о святости, наполнило это понятие нравственным содержанием, оно все же не вытеснило из сознания народа важную для него идею святости как особой преобразующей мир силы, к которой русский человек стремится приобщиться реальным, физическим образом, в том числе через прикосновение.

²¹ Максим Грек, *прп.* Объяснение о рукописании греховном // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: в 3 т. Т. 2: Догматико-полемиические сочинения. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910. С. 327.

²² См. подробнее: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс — Универс, 1995. С. 346; Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 3: Быт и бытие. СПб.: Филол. ф-т С.-Петербург. гос. ун-та, 2004; Топоров В. Н. Святость и святыне в русской духовной культуре: в 2 т. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис — Языки русской культуры, 1995.

В настоящее время чтимые иконы и святые мощи, как правило, покрывают стеклом для обеспечения сохранности реликвий, но показательно, что для особо важных посетителей раку с мощами открывают, чтобы высокие гости имели возможности приложиться не к стеклу, покрывающую святыню, а непосредственно к самим останкам святого, что воспринимается как особенная благодатная честь.

Весьма примечательна встречающаяся на некоторых приходах практика накрывать болеющего человека священническим облачением сразу после совершения Божественной литургии, что, по убеждению людей, способно сообщить особую благодать тому, на кого полагаются священные одежды. Похожие народные обычаи со стремлением исцелиться описывает и В. В. Виноградов, причем тактильный контакт мог быть не просто через прикосновение, но даже через натирание больных мест святыней²³.

Необходимостью телесного контакта, выражаемой предикатом прикосновения, можно объяснить и восточнославянскую традицию целования чаши после причащения Тела и Крови Христовых. Эта практика зафиксирована в современном служебнике²⁴ Русской православной церкви, однако получила фактически характер жесткого требования. В период действия санитарных мер, связанных с коронавирусной инфекцией, отказ от этого символического акта богопочитания воспринимался причащающимися как одно из самых болезненных ограничений.

Таким образом, как пишет архиепископ Михаил (Мудьюгин), оставивший интересные заметки о религиозной действительности в нашей стране во второй половине XX в., для русского человека при лобызании святыни «не только находит себе внешнее выражение любовь к изображаемому лицу, но и происходит освящение через прикосновение с освященным предметом, будь то животворящий крест, чаша для Святых Даров, икона, предмет священного облачения или другой, ранее освященный предмет»²⁵.

Большинство осуществляемых обрядовых практик, как правило, синкретичны и могут представлять собой сложные комплексы действий, объединяющие в себе сразу несколько предикатов. Так, одним из примеров соединения двух предикатов для очевидного усиления функции является народный обычай тоекратного обхождения против часовой стрелки часовни блаженной Ксении Петербургской, при котором совершающий это действие касается стен часовни или рукой, или записанным на бумаге прошением. Мотив уничтожения носителя зла также нередко предполагает, как было указано выше, совершение нескольких усиливающих эффект действий: от разрыва до сжигания и разбрасывания.

²³ Виноградов В. В. Северорусские почитаемые места: топка святынь. С. 54.

²⁴ Служебник. М.: Изд. Совет Русской православной церкви, 2003. С. 155.

²⁵ Михаил (Мудьюгин), архиеп. Русская православная церковность. Вторая половина XX в. М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1995. С. 88.

5. Поминование

В отличие от приведенных выше предикатов, выражающих конкретное физическое действие, предикат поминования, относясь в большей степени к сфере ментальной активности, представляет собой целый комплекс действий, призванных явить почитание памяти предков. Безусловно, память предков — это важная составляющая бытия любого народа, который хранит свою историю и подвиги героев прошлого. Однако для восточнославянского мировоззрения памятование из разряда пассивной культурной деятельности по накоплению исторических сведений переходит в разряд религиозно значимых активных действий²⁶, что влечет за собой формирование и особых обрядовых комплексов.

Вообще поминальная обрядность составляет, как отмечает О. А. Седакова, «самую сердцевину традиционной славянской культуры», занимая «осевое место в славянских верованиях, причем это так и для их архаического дохристианского слоя, и для того, который принято называть “народным христианством”»²⁷. Столь значимое положение памяти предков для русского человека очевидным образом связано с дохристианским культом рода, что выражается в потребности чувствовать единство рода как на частном уровне отдельной семьи, так и на уровне всего народа. Память предков дает русскому человеку ощущение причастности к исторической судьбе народа.

Благоговейное отношение к памяти предков отражено в большом количестве дат церковного поминования почивших, что особенно выделяет Русскую церковь на фоне остальных поместных православных церквей, не имеющих такого обилия дат поминований. В настоящее время с учетом местных особенностей в календаре Русской православной церкви насчитывается по меньшей мере 12 памятных дней.

Кроме зафиксированных в Типиконе двух Вселенских родительских суббот (Мясопустной и Троицкой), усопшие поминаются в «Димитриевскую» субботу перед днем памяти великомученика Димитрия Солунского, на Радоницу (вторник 2-й недели по Пасхе), а также во 2, 3 и 4-ю субботы Великого поста. В некоторых поволжских епархиях (Татарстанская и Вятская митрополии), в Прикамье (Удмуртская митрополия) и на Урале (Екатеринбургская митрополия) существует местная традиция поминования усопших в субботу перед праздником Покрова Пресвятой Богородицы («Покровская» суббота). В ряде южнорусских и белорусских епархий есть традиция поминать почивших в «Михайловскую» родительскую субботу, предшествующую празднику Собора Архангела Михаила.

---

²⁶ Такое восприятие памяти как активной религиозно-культурной деятельности отражено в лексической сочетаемости с глаголами «творческого» ряда («совершать память», «творить память»), используемыми в церковном контексте дней празднования святых подвижников, которые в христианской традиции осмысливаются как предки по духу.

²⁷ Седакова О. А. Поэтика обряда. С. 17.

За последние 30 лет церковный календарь дней сугубого поминовения почивших также пополнился рядом дат: днем поминовения всех усопших, пострадавших в годину гонений за веру Христову (с 1991 г.); 9 мая — днем поминовения усопших воинов (с 1994 г.) и днем памяти жертв дорожно-транспортных происшествий (с 2017 г.), совершаемым в третье воскресенье ноября.

Отдельно стоит в этом ряду находящаяся вне церковного календаря народная традиция отмечать Семик (четверг 7-й недели по Пасхе), когда поминаются так называемые заложные покойники (утопленники, скончавшиеся от пьянства, самоубийцы и т. д.). Примечательно, что стремление Церкви переключить внимание верующего народа на Троицкую родительскую субботу, ближайшую к Семику, привело к тому, что в сознании многих людей осталось закрепленное, но ошибочное представление о том, что Троицкая родительская суббота — это единственный день в церковном календаре, когда разрешается литургическое поминовение самоубийц, о чем красноречиво свидетельствует большое количество подаваемых в алтарь, вопреки требованиям духовенства, записок с пометкой «о самоуправившихся».

Заключение

Проблематика выделения важных акциональных культурных символов была очерчена С. М. Толстой, которая справедливо обратила внимание на то, что механизм символизации действий в культуре принципиально отличен от механизма символизации предметов. Исследовательница отмечает, что сакральность предметов, как правило, производна от их реальных свойств, в то время как действия «практически не имеют собственных символических мотиваций, и их символика часто носит “отраженный” характер, воспроизводя семантику, присущую предметам»²⁸.

Смысл и ритуальная функция действия определяются не столько характером самого действия, сколько тем, кто его совершает, кто или что является его объектом и адресатом, когда, где, с помощью чего и как совершает это действие. Принимая во внимание полисемантическую (многозначность) религиозных предикатов и их субъективность, исследователи задаются вопросом о возможности их изолированного использования в качестве самостоятельного культурного знака для описания духовной традиции.

Представляется, что вычленение религиозно значимых для культуры предикатов не только возможно, но и необходимо, и его следует осуществлять исходя из смысловой контекстной нагрузки и выполняемой действиями сакральной функции. Как сказано в начале статьи, категория предикативности, считающаяся одной из центральных в языке, занимает столь же значимое место и в языке культуры. Именно поэтому составле-

²⁸ Толстая С. М. Акциональный код символического языка культуры. С. 91.

ние предикатного «рисунка» восточнославянской религиозности является интересной и перспективной научной задачей, решение которой прольет свет на структуру народной религиозности, будет способствовать выделению наиболее продуктивных предикатов и поможет лучше понять особенности православия русской традиции.

Статья поступила в редакцию 11 января 2024 г.;
рекомендована к печати 24 мая 2024 г.

Контактная информация:

Корытко Олег Витальевич — протоиерей, канд. богословия, доц.;
<https://orcid.org/0000-0003-0812-4350>, priest@list.ru

Archaic religious predicates in contemporary East Slavic folk Orthodox culture: Interpreting of symbols in the structure of religiosity*

Archpriest Oleg Korytko

Moscow Theological Academy,
Trinity Lavra of St. Sergius, Sergiev Posad, 141300, Russian Federation

For citation: Korytko O. V. Archaic religious predicates in contemporary East Slavic folk Orthodox culture: Interpreting of symbols in the structure of religiosity. *Issues of Theology*, 2024, vol. 6, no. 3, pp. 414–429. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.303> (In Russian)

This academic work is an extension to the article “Christian theology and the archetypal in religion: A reconciliation experience for the stances” that was published in the journal “Issues of Theology”, 2024, no. 2. As a critical characteristic of spiritual culture, religiosity can be described as sacred acts significant for this culture, i. e. as religious predicates. The compiling of a “predicate pattern” of East Slavic religiosity is an intriguing and promising academic task which can aid in defining the key features of Russian culture in its ecclesiastical and folk Orthodox interpretations. The article draws attention to the fact that Russian culture, which was formed under the unquestionable influence of the Orthodox faith and Church tradition, experienced a considerable influence of pre-Christian ideas in the course of its development. The text presents an attempt to consider the phenomenon of Russian religiosity through the prism of religious predicates that are significant for the Eastern Slavs, which not only reflect the specifics of folk religious practice, but also determine the uniqueness of Russian ecclesiastic culture. The circumambulation and other variants of circular movement, drawing of a sacred symbol, tying and tearing apart, touch and remembrance are the most vivid religious predicates isolated on the basis of the semantic load they are conveyed and of the functions they perform. The analysis of predicates is followed by examples from modern folk ritual customs and Church tradition. The archetypal nature of many practices is evidenced. The article identifies and suggests

---

* Second article in series “The nature of archetypes and their functioning in the religious environment”. See the first article: Korytko O. V. Christian theology and the archetypal in religion: A reconciliation experience for the stances. *Issues of Theology*, 2024, vol. 6, no. 2, pp. 199–212. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.202> (In Russian)

possible solutions to the main problems associated with the isolation of predicates in the spiritual culture language.

Keywords: religiosity, folk Orthodoxy, cultural predicates, circular movement, drawing of a cross, sacred tying, ritual tearing, touching of sacred objects, memory of ancestors.

References

- Belova O. V. (2009) “Razryv-trava”, in *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'*. Ed. by N. I. Tolstoi. In 5 vols, vol. 4, pp. 396–397. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Benveniste É. (1995) *Indo-European language and society*. Rus. ed. Moscow, Progress — Univers Publ. (In Russian)
- Bogatyrev P. G. (1971) *Questions of the theory of folk art*. Moscow, Iskusstvo Publ. (In Russian)
- Eliade M. (1999) *Patterns in comparative religion*. In 2 vols, vol. 2. St. Petersburg, Aleteiia Publ. (In Russian)
- Kolesov V. V. (2004) *Ancient Russia: Heritage in the word*. In 5 vols, vol. 3: Life and being. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ. (In Russian)
- Kriukova A. N. (2020) “The Procession of the Precious Wood of the Life-giving Cross of the Lord”, in *Pravoslavnaia entsiklopediia*, vol. 58, p. 284. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ. (In Russian)
- Levkievskaiia E. E. (2012) “The walking dead”, in *Narodnaia demonologiia Poles'ia*. In 4 vols, vol. 2: *Demonologizatsiia umershikh liudei*, pp. 273–400. Moscow, IaSK Publ. (In Russian)
- Maximus the Greek, st. (1910) “The Explanation of the handwriting of sins”, in *Sochineniia prepodobnogo Maksima Greka v russkom perevode*. In 3 vols, vol. 2: *Dogmatiko-polemicheskie sochineniia*. Sergiyev Posad, Sviato-Troitskaia Sergieva lavra Publ. (In Russian)
- Mud'iugin M., archpriest (1995) *The Russian Orthodox churchliness. The second half of the 20th century*. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sviatogo apostola Andreia Publ. (In Russian)
- Plutarch. (1996) *Isis and Osiris*. Kiev, UTsIMM-Press Publ. (In Russian)
- Sedakova O. A. (2004) *The poetics of the rite. Funeral rites of the Eastern and southern Slavs*. Moscow, Indrik Publ. (In Russian)
- Surikov I. E. (2010) “Paradoxes of the ‘father of History’: Herodotus — a researcher of Archaic and Classical Greece”, *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki*, no. 10 (53), pp. 66–100. (In Russian)
- Tolstaia S. M. (1995) “Pregnancy, pregnant woman”, in *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'*. Ed. by N. I. Tolstoi. In 5 vols, vol. 1, pp. 160–164. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Tolstaia S. M. (1996) “The action code of the symbolic language of culture: Movement in ritual”, in *Kontsept dvizheniia v iazyke i kul'ture*. Moscow, Indrik Publ. (In Russian)
- Tolstaia S. M. (2015) *The image of the world in the text and ritual*. Moscow, Universitet Dmitriiia Pozharskogo Publ. (In Russian)
- Toporov V. N. (1995) *Holiness and Saints in Russian spiritual culture*. In 2 vols, vol. 1: *Pervyi vek khristianstva na Rusi*. Moscow, Gnozis Publ.; Iazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Trubachev O. N., ed. (1977) *Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical stock*. Vol. 4. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Vinogradov V. V. (2019) *North Russian revered places: Topics of shrines*. St. Petersburg, Propovskii tsentr Publ. (In Russian)
- Vinogradova L. N. (2001) “Folk demonology of Polesye in the context of East-Slavic traditional beliefs”, in *Vostochnoslavianskii etnolingvisticheskii sbornik*, pp. 10–49. Moscow, Indrik Publ. (In Russian)

- Vinogradova L.N. (2004) “Bridge”, in *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'*. Ed. by N.I. Tolstoi. In 5 vols, vol. 3, pp. 303–307. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Vinogradova L.N. (2014) “Destruction”, in *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'*. Ed. by N.I. Tolstoi. In 5 vols, vol. 5, pp. 371–373. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)

Received: January 11, 2024

Accepted: May 24, 2024

Author's information:

Oleg V. Korytko — Archpriest, PhD in Theology, Associate Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-0812-4350>, priest@list.ru